

Шахноза Азимова

Встречная полоса

18+

Шахноза Азимова

Встречная полоса

<https://litres.ru/74124773>

SelfPub; 2026

Аннотация

Две аварии. Одна трасса. Одна судьба.

Пять лет назад их жизни перевернулись в одну ночь на темной трассе. Виктория, подающая надежды баскетболистка и отчаянная гонимая, потеряла все: карьеру, веру в себя, доверие к отцу. Арсений, переживший гибель родителей, пытался заглушить боль скоростью, но та ночь отняла у него и ее.

Он — закрытый и недоверчивый, живущий в спартанской квартире с единственным другом — волейбольным мячом. Она — утонченная дочь олигарха, чью жизнь контролируют извне, а отдушину она находит лишь в страстных цыганских танцах.

Их свела судьба, поселив в одном доме. Две одинокие души, несущие в себе шрамы одной и той же трагедии. Смогут ли они исцелить раны друг друга? Или общая боль разлучит их снова, на этот раз навсегда?

Шахноза Азимова

Встречная полоса

Примечания от Автора

Когда-то давно я прочитала, что самые прочные связи возникают не в тишине и покое, а в шторм. Что два сломанных сердца, встретившись, могут не разбить друг друга окончательно, а, словно кусочки мозаики, сложиться в нечто цельное и прекрасное. Эта мысль стала семенем, из которого выросла история Арсения и Виктории.

Я не ставила перед собой цель написать красивую сказку. Мне хотелось показать реальных людей – с их шрамами, страхами и колючками. Он – замкнутый в своей крепости из боли, видящий в каждом чужаке угрозу. Она – заложница золотой клетки, в которой так одиноко, что душа ноет от пустоты. Их раны были разными, но корень – один: страшное, всепоглощающее одиночество.

Мне было важно провести их через тьму. Через недоверие, через гнев, через вмешательство жестокого внешнего мира. Потому что только пройдя сквозь ад, можно по-настоящему оценить свет. Их любовь – это не внезапная молния с ясного неба. Это упорный, трудный, иногда болезненный танец двух душ, которые учатся слышать ритм друг друга. Это выбор, который они делают снова и снова: быть вместе, несмотря ни на что.

Я верю, что в мире полно таких Арсениев и Викторий. Людей, которые носят в себе старую боль и боятся сделать шаг навстречу. Эта книга – мое письмо им. Напоминание о том, что ваши шрамы – не клеймо, а часть вашей уникальной истории. Что ваша «сломанность» может стать вашей силой. И что где-то там, возможно, за следующей дверью, живет человек, чьи осколки идеально подходят к вашим.

Позвольте себе быть уязвимыми. Позвольте себе доверять. И, самое главное, позвольте себе быть счастливыми. Ведь, как оказалось, самое большое мужество – это не строить стены, а открывать двери.

С надеждой на вашу встречу,

Ваш автор.

Глава 1 Соседи

Шум переезда всегда казался Арсению похожим на землетрясение в отдельно взятой квартире. Грохот передвигаемой мебели, скрежет ящиков, приглушённые возгласы на непонятном ему языке – всё это доносилось сквозь стену уже третий час. Он стоял посреди своей гостиной, сжимая в руке гантелю, и пытался заглушить внутреннее раздражение ритмичными сжатиями пальцев. Новые соседи. Ещё одна помеха его и без того разлаженной жизни.

Его квартира была такой же, как и он сам – минималистичной, строгой и не приветливой. Светлые стены без единой картины, диван-книжка, старый телевизор и пара стульев. Ничего лишнего. Ничего, что могло бы напоминать о

прошлом. Единственным островком памяти был скромный фотоальбом на полке, который он никогда не открывал, и спортивная сумка с волейбольным мячом у двери.

Арсений перевёл взгляд на окно. За ним медленно спускались на город ранние осенние сумерки. Именно в такую погоду, пять лет назад, его жизнь разделилась на «до» и «после». Он резко опустил гантель, и глухой удар эхом разнёсся по пустой квартире. Ему нужно было на тренировку. Волейбол был единственным, что ещё могло заставить его чувствовать себя живым, а не просто существующим.

За стеной Виктория Луначарская с обречённым видом наблюдала, как два грузчика в очередной раз задели косяк двери, перетаскивая её рояль. Мама, Анна Георгиевна, суетилась рядом, пытаясь безуспешно указать «более безопасный путь». Её тихий, певучий голос тонул в общем хаосе.

– Вика, дорогая, может, всё же в спальне его поставить? У тебя там больше места, – предложила мать, с тревогой глядя на хрупкую дочь.

Виктория лишь отрицательно мотнула головой. Она была похожа на увядающий осенний цветок – высокая, изящная, с тонкой, почти невесомой талией, но в её карих глазах стояла усталость, не свойственная её двадцати трём годам. Джинсы и просторная серая кофта скрывали когда-то подтянутое, спортивное тело. Сейчас её единственной отдушиной были танцы. (Только в плавных, завораживающих движениях народных цыганских танцев, которым научила её бабушка, она

чувствовала, как к ней возвращаются силы.)

— Мам, всё нормально. Пусть стоит здесь. В гостиной свет лучше, — устало ответила она.

Новая квартира была попыткой начать всё с чистого листа. После разрыва с очередным «принцем», оказавшимся обыкновенным эгоистом, после бесконечных упрёков мачехи и непонимания со стороны отца, ей нужен был свой угол. Место, где она могла бы быть просто Викторией, а не дочерью влиятельного депутата Луначарского, не «неблагодарной» падчерицей, не «перспективной баскетболисткой, загубившей карьеру» и не «безумной гонщицей, одумавшейся после ужасной аварии».

Мысленно она вернулась в тот вечер. Тот самый, который поставил крест не только на её увлечении гонками, но и на чём-то внутри неё. Полная темнота загородной трассы, визг шин, ослепляющий свет фонарей встречной машины и оглушительный удар. Она помнила не боль, а всепоглощающий страх. И чувство полного одиночества в тот миг, когда мир перевернулся.

Когда грузчики наконец ушли, наступила оглушительная тишина. Виктория подошла к окну и прижалась лбом к холодному стеклу. Где-то там, в этом же городе, жил её отец, Олег Луначарский, человек, контролирующий пять окружающих районов, но не способный понять собственную дочь. Он осыпал её подарками, пытался купить её расположение, но каждый раз, когда она видела в его глазах немой вопрос: «Ну

что я сделал не так?», её душа сжималась от жалости и злости. Он ушёл к другой, когда ей было пятнадцать. Он подарил ей новую «маму» – Элину, блестящую бизнес-леди, которая с сладкой улыбкой на каждом светском рауте представляла её как «мою ненаглядную падчерицу», а за глаза методично превращала в глазах отца в капризную, неблагодарную и ветреную особу.

Виктория вздохнула и отошла от окна. Ей нужно было размять затекшие мышцы. Она включила на телефоне запись с гитарным перебором и закрыла глаза. Тело само вспомнило движения – плавный взмах рук, отточенный поворот головы, мелкая дрожь в плечах. Танец был её молитвой и её лечением.

Черкасов возвращался с тренировки поздно. Мокрая от дождя куртка тяжело висела на его широких плечах. Волейбол немного успокоил нервы, но не смог прогнать тяжёлую грусть, всегда накатывавшую после игры. Он шёл по тёмному двору, глядя под ноги, и не заметил, как почти столкнулся с кем-то.

Перед ним стояла девушка. Высокая, очень худая. С мокрыми от дождя тёмными волосами и огромными карими глазами, в которых отражался свет фонаря. Она была без верхней одежды, в одном лёгком домашнем платье, и явно не понимала, где находится.

– Вы... вы не видели кота? – дрогнувшим от холода голосом спросила она. – Рыжего, с белым пятном на ухе.

Арсений нахмурился. Было холодно, а она стояла посреди ночи в таком виде.

– Нет, – коротко и сухо ответил он. – В такую погоду хорошие хозяева не выпускают котов.

Он собирался пройти мимо, но что-то в её потерянном взгляде заставило его остановиться. Она смотрела на него не с упрёком, а с таким отчаянием, будто этот кот был последним, что у неё осталось.

– Вы с третьего этажа? Новые соседи? – спросил Арсений, и его собственный голос прозвучал для него неожиданно грубо.

Девушка кивнула, обхватив себя за плечи в тщетной попытке согреться.

– Я Арсений Черкасов. Ваш сосед сверху.

– Виктория, – прошептала она.

Внезапно из-за угла дома донёсся жалобный мяук. Из-под куста сирени выскочил промокший до нитки рыжий комочек и тут же юркнул обратно, испуганный их присутствием.

Не говоря ни слова, Арсений снял с себя куртку и накинул её на окоченевшие плечи Виктории. Тонкий, едва уловимый аромат духов ударил ему в нос – что-то сладкое, с горьковатой ноткой, как полынь. Он отвернулся и медленно подошёл к кусту.

– Кис-кис-кис, – его низкий голос прозвучал неожиданно мягко.

Он присел на корточки, и через мгновение из укрытия по-

казалась испуганная мордочка. Кот, дрожа, позволил Арсению взять себя на руки.

– Вот ваш боец, – он протянул животное Виктории.

Она взяла кота, прижала к груди, и в её глазах стояли слёзы благодарности. – Спасибо, – сказала она, и её голос наконец приобрёл силу. – Я... я вам потом верну. Куртку.

– Не торопитесь, – бросил он и, повернувшись, направился к подъезду.

Он чувствовал её взгляд на своей спине. Широкой, накачанной спине, которая, как он знал, казалась такой сильной, но на деле несла груз, способный сломать кого угодно. Он не оборачивался. Опыт научил его – доверять нельзя никому. Особенно тем, у кого такие большие, печальные глаза.

Войдя в свою квартиру, он закрыл дверь и прислонился к ней спиной. Тишина. Та самая, гробовая тишина, которую он так ненавидел. Он провёл рукой по лицу и вдруг поймал себя на том, что до сих пор чувствует тот сладкий, с горчинкой, запах её духов. Он с силой оттолкнулся от двери и пошёл на кухню, чтобы заварить кофе. Ему нужно было заглушить это ощущение. Ощущение чужой боли, которая была так похожа на его собственную.

Виктория, стоя в своей новой, ещё не обжитой гостиной, не могла успокоиться. Кот, довольный, мурлыкал у неё на руках. А она думала о соседе. Арсений Черкасов. У него были самые уставшие и самые красивые глаза, которые она когда-либо видела. Глубокие, карие, с длинными ресницами.

И в них она прочитала то же самое разочарование в жизни, которое годами носила в себе. В его резких движениях, в его сжатых кулаках, в его нежелании смотреть на неё слишком долго, угадывалась какая-то история. Боль.

Она аккуратно повесила его чёрную куртку в прихожей. Она была тяжёлой, пахла дождём и чем-то ещё – мужским одеколоном и... резиной? Шинами? Этим пах её гараж после гонок. Этим пах тот самый вечер.

Её сердце ёкнуло. Неужели? Нет, не может быть. Слишком много совпадений. Тот парень на трассе пять лет назад, чью машину она тоже видела в тот роковой миг, тоже был... каким? Она почти ничего не помнила. Только тёмный силуэт, крик и ощущение, что они с кем-то разделили свою боль в полной темноте, даже не видя друг друга.

Она подошла к роялю, провела пальцами по клавишам, но не стала играть. Вместо этого она снова начала танцевать. Медленно, печально, перебирая босыми ногами по холодному полу. Танец был одиночеством. О ненайденном коте. О холодном дожде. И о соседе с глазами, полными той же бури, что бушевала и в её душе.

А наверху, в своей пустой квартире, Арсений стоял у окна и смотрел на растущие в небе звёзды. Он вспоминал её лицо. И вспоминал тот день пять лет назад. День, когда он потерял не просто гонку, а веру в себя. День, когда он, стоя на обочине возле своего разбитого автомобиля, слышал, как неподалёку кричала от боли девушка. И он не мог ей помочь.

Он не мог помочь даже себе.

Они ещё не знали, что их катастрофы случились в один день. На одной трассе. В полной темноте. И что теперь судьба, сведя их в одном подъезде, дала им шанс разделить уже не боль, а что-то другое. Что-то, чего они оба так сильно боялись и так отчаянно, сами того не сознавая, искали.

Глава 2 Отзвуки

Тишина в квартире Арсения после того, как за ним закрылась дверь, была обманчивой. Она не была пустотой — она была густой, тягучей субстанцией, наполненной отзвуками только что произошедшего. Он все еще чувствовал на плечах призрачную тяжесть мокрой куртки, которую отдал той девушке. Виктории. А в ноздрях стоял тот самый сладкий, с горьковатой полынью, запах. Он вьелся в одежду, в кожу, и никакой крепкий кофе не мог его перебить.

Он взял чашку с дымящимся черным кофе и вернулся в гостиную, к окну. Двор внизу был пуст. Она уже ушла, забрав своего рыжего негодника. Арсений мысленно ругнулся. Зачем он это сделал? Зачем накинуд на нее куртку? Зачем вообще подошел к тому коту? Правила его жизни были просты и железны: не высовываться, не ввязываться, никого не подпускать. Его собственная боль была единственным надежным спутником, и он не собирался менять его на сомнительное удовольствие чужих проблем.

Но в ее глазах... В этих огромных, испуганных карих глазах, он увидел не просто расстроенную хозяйку потерявше-

гося питомца. Он увидел то же самое отчаяние, которое годами грызло его изнутри. То самое чувство, когда мир переворачивается с ног на голову, и ты остаешься один на один с обломками своей прежней жизни.

Он резко отошел от окна, словно боясь, что его заметят. Его взгляд упал на спортивную сумку у двери. Волейбол. Завтра тренировка. Это был его якорь, его расписание, выстроенное чтобы не сойти с ума. Ритмичные, почти механические движения на площадке, крики партнеров, адреналин – все это на несколько часов заглушало внутренний гул. Но сегодня даже мысль о тренировке не приносила обычного облегчения.

Он сел на диван и провел ладонями по лицу, ощущая шершавую кожу от постоянного бритья. Пять лет. Прошло пять лет, а он до сих пор помнил тот вечер в мельчайших деталях, как будто это было вчера. Не просто аварию. А тот звук. Визг шин не своей, а другой машины. Громогласный, разрывающий тьму, и последовавший за ним оглушительный удар. Он помнил, как стоял на обочине, весь трясаясь от выброса адреналина и ужаса, смотря на свою помятую «Ладу», и слышал откуда-то из темноты, метров за сто, женский крик. Не крик страха, а крик боли. Животный, одинокий. Он хотел побежать, помочь, но ноги не слушались. Его друг и напарник, Григорий, уже звонил в скорую, сам бледный как полотно. А он просто стоял и слушал, как этот крик постепенно переходил в тихие, надрывные рыдания. Они не видели тех людей.

Только фары их машины, ушедшие в кювет. Потом приехали спасатели, скорая, все закрутилось, а он так и не узнал, кто была та девушка. Но ее крик навсегда остался в нем, встроился в его собственные кошмары.

Арсений встряхнул головой, пытаясь отогнать наваждение. «Совпадение, – сурово сказал он себе вслух. – Просто совпадение». Мир полон несчастных людей. Не значит же это, что за каждой трагедией стоит его личное привидение.

Внизу, в квартире номер три, Виктория не могла уснуть. Она сидела на полу в гостиной, прислонившись спиной к роялю, и гладила свернувшегося на ее коленях рыжего кота по имени Цыган. Он мурлыкал, довольный, что его нашли, и что дома тепло и сухо.

Но Виктория не чувствовала ни тепла, ни уюта. Она смотрела на черную, промокшую куртку Арсения, висевшую на вешалке в прихожей. Она казалась инородным телом в ее еще не обжитом пространстве, темным пятном на светлых стенах. И этот запах... Он сводил ее с ума. Пахло дождем, мужским одеколоном с нотками древесины и кожи, и чем-то еще, глубоко запрятанным, но таким знакомым. Пахло бензином, машинным маслом и жженой резиной. Пахло гоночной трассой.

Она закрыла глаза, и память сама потащила ее назад, в тот самый день. Ей было восемнадцать, и она считала себя бесстрашной. Нелегальные ночные гонки на заброшенной гоночной трассе были ее способом вырваться из-под контроля

отца, доказать себе и всем, что она что-то значит сама по себе, а не только как дочь Луначарского. Ее подруга, Алиса, сидела на пассажирском сиденье и визжала от восторга. Виктория вела свою потрепанную «Хонду», обгоняя одного соперника за другим. А потом – ослепляющий свет фар встречной машины, вышедшей на их трассу. Не ее вина, но... Резкий поворот руля, визг тормозов, нечеловеческая перегрузка, и мир перевернулся.

Она помнила не боль от пореза о стекло, а всепоглощающий ужас и чувство полной беспомощности. И еще один звук. Не ее крик. А мужской голос, доносящийся из темноты. Он кричал: «Гриша, держись! Все будет хорошо!». Голос был низким, хриплым от адреналина, но в нем слышалась такая же паника и отчаяние, какие чувствовала она сама. Потом были сирены, больница, долгий разговор с отцом, который не кричал, а смотрел на нее с ледяным разочарованием. И конец всему. Гонкам, баскетболу из-за травмированного плеча, и, как ей тогда казалось, всей ее свободной жизни.

«Не может быть... – шептала она, глядя на куртку. – Это просто фантазии. Ночью, на нервах, после переезда».

Но сомнение уже пустило корни. Его глаза. В них была не просто усталость. В них была знакомая тень. Тень человека, который тоже что-то безвозвратно потерял.

Цыган потянулся и спрыгнул с ее колен. Виктория встала и подошла к куртке. Она осторожно потрогала ткань. Грубая, прочная, рабочая. Не похожа на вещи ее отца или его друзей.

Она засунула руку в карман, чувствуя себя воровкой, но не в силах остановиться. Карманы были пусты. Ничего, что могло бы подтвердить или опровергнуть ее безумную догадку.

Она вздохнула и отошла. Завтра нужно будет вернуть куртку. Просто отнести, вежливо поблагодарить и закрыть эту странную главу. У нее и своих проблем хватает. Завтра, к тому же, обедала с отцом и Элиной. Мысль об этом свидании вызывала тошноту.

Чтобы успокоиться, она снова включила музыку. На этот раз это был не гитарный перебор, а что-то более ритмичное, с барабанами. Она закрыла глаза и позволила телу двигаться. Это был уже не печальный, а яростный танец. Танец протеста. Против отца, против мачехи, против собственных страхов и против этого навязчивого соседа, который ворвался в ее жизнь с мокрой курткой и глазами, полными ее же собственных демонов.

На следующее утро Арсений вышел из подъезда, направляясь на утреннюю пробежку. Он надел старый спортивный костюм, куртка осталась у той девушки. На улице было свежо и ветрено. Он сделал несколько разминочных упражнений, чувствуя, как напряженные мышцы спины и плеч понемногу расслабляются.

Его маршрут пролегал через тихий дворовый проулок. Он уже собрался перейти на бег, как вдруг услышал знакомые звуки. Не музыка, а нечто иное. Ритмичный стук, притоптывания, мелкий перезвон чего-то металлического.

Любопытство пересилило желание бежать. Он свернул за угол и замер.

На небольшой бетонной площадке, обычно пустовавшей, танцевала Виктория.

Это было не похоже ни на что, что он видел раньше. Ее тело было не просто пластичным – оно было живым инструментом, рассказывающим историю. Движения были резкими, отрывистыми, полными огня и вызова. Ее босые ноги выбивали сложный ритм по асфальту, руки то взмывали вверх, то резко опускались, а пальцы выписывали в воздухе загадочные узоры. В волосах у нее были вплетены какие-то мелкие монетки, и они звенели в такт ее движениям. На ней были простые леггинсы и майка, несмотря на прохладу, и он видел, насколько она худа, почти хрупка, но в каждом мускуле сквозила стальная сила.

Она не заметила его. Она была полностью поглощена танцем. Ее лицо было серьезным, почти суровым, а в карих глазах горел тот самый огонь, которого он не увидел вчера в темноте. Это была не та потерянная девушка с котом. Это была другая. Сильная, страстная, дикая.

Арсений смотрел, завороженный. Он не понимал смысла танца, но чувствовал его энергию. Это была энергия борьбы. Борьбы с кем-то или с чем-то. И в этой борьбе была такая отчаянная красота, что у него перехватило дыхание.

Она закончила, сделав несколько быстрых оборотов и замерши в изящной, но мощной позе. Грудь тяжело вздыма-

лась. Она открыла глаза и тут же увидела его.

Они смотрели друг на друга через площадку. Секунду, другую. Воздух между ними снова сгустился, наполнившись невысказанными вопросами.

Первой опомнилась Виктория. Ее гордое выражение сменилось на смущенное. Она опустила взгляд.

– Я... мешаю? – тихо спросила она.

Арсений покачал головой. Он не нашел слов. Он просто стоял.

– Я принесу вашу куртку, – сказала она, все еще не глядя на него. – Она уже высохла.

– Хорошо, – глухо ответил он. – Не спешите.

Он хотел что-то добавить. Спросить, что это был за танец. Сказать, что это... красиво. Но слова застряли в горле. Его собственные барьеры, выстроенные за годы, встали непроницаемой стеной.

Он кивнул ей, больше ничего не сказав, развернулся и побежал. Но образ танцующей Виктории с горящими глазами и звенящими монетками в волосах преследовал его всю дистанцию. Он бежал быстрее, чем обычно, пытаясь убежать не от усталости, а от нахлынувшего чувства. От чувства, что в его хорошо защищенный, одинокий мир ворвалось что-то яркое, хрупкое и очень опасное.

А Виктория, оставшись одна на площадке, медленно выдохнула. Она видела, как он на нее смотрел. И это был не взгляд случайного прохожего. Это был изучающий, глубоко-

кий взгляд человека, который что-то узнал или почувствовал. И в его глазах она прочла не только удивление, но и что-то похожее на понимание.

Она подняла голову к серому осеннему небу. «Цыган – прошептала она, обращаясь к коту, который вышел из подъезда и терся о ее ноги. – Кажется, у нас очень странный сосед».

Она повернулась и пошла домой, готовиться к неприятному обеду. Но на душе у нее стало чуть легче. словно в ее личной вселенной, состоящей из проблем и одиночества, появилась новая, непонятная, но безумно интересная звезда. Имя ей было Арсений.

Глава 3 Обед по расписанию

Виктория стояла перед зеркалом в своей спальне, с неприязнью рассматривая отражение. На ней было строгое платье песочного цвета, которое Элина как-то «случайно» обмолвилась, что оно «так стройнит и так идет брюнеткам». Оно действительно строило, но его безупречный крой и дорогая ткань словно сковывали движения, напоминая униформу. Таким ее хотели видеть – ухоженной, стильной, удобной дочерью депутата Луначарского.

Цыган, свернувшись калачиком на подушке, наблюдал за ней с ленивым пренебрежением.

– Не смотри на меня так, – проворчала она. – Мне тоже не весело.

Мысленно она уже проигрывала сценарий предстоящего

обеда. Отец, с деловым видом просматривающий сообщения на телефоне, но на самом деле жадно ловящий каждое ее слово в надежде найти ключ к ее расположению. Элина – улыбчивая, безупречная, сыплющая комплиментами, которые отдавались в ушах тонкими, ядовитыми уколами. «Вика, ты так похорошела! Наверное, наконец-то бросила эти свои диеты?» или «Новая квартира? Как мило! Хотя какая-то независимость. Твой отец, конечно, волновался, но я уговорила его не мешать твоему взрослению».

Она вздохнула и потянулась за сумочкой. Куртка Арсения все еще висела в прихожей, немое напоминание о вчерашней странной встрече. Мысль вернуть ее сегодня утром вызывала странную робость. Слишком были те эмоции, что она прочитала в его глазах на площадке. Он видел ее не прилизанной куклой для светских раутов, а живой, танцующей, почти дикой. И в этом был какой-то необъяснимый стыд и облегчение одновременно.

Ровно в час дня такси остановилось у подъезда элитного жилого комплекса в центре города. «Луначарские башни». Отец обожал это пафосное название. Виктория глубоко вдохнула, собираясь с духом, словно перед выходом на сцену, и вошла в холл.

Их апартаменты занимали весь этаж. Дверь открыла Элина. Как всегда, безупречная: идеальный каре, костюм от-кутюр, легкий, дорогой аромат.

– Викуся, заходи, заходи! – ее голос звенел, как хрусталь-

ный колокольчик. Она обняла Викторию с показной нежностью, и та на мгновение утонула в облаке ее духов. – Олег, дочка приехала!

Олег Луначарский вышел из кабинета. Высокий, представительный, с проседью на висках, которая лишь добавляла ему солидности. Его лицо осветилось искренней, но немного растерянной улыбкой.

– Вика, здравствуй, – он обнял ее, поцеловал в щеку. Его объятия были крепкими, но какими-то неуверенными, будто он боялся ее сломать или спугнуть. – Как новые апартаменты? Ничего? Грузчики не подвели?

– Все нормально, пап, спасибо, – механически ответила Виктория, выскользнув из объятий.

Стол в столовой был накрыт с холодным шиком. Серебро, хрусталь, изысканные закуски. Все было идеально, и от этой идеальности веяло ледяным холодом.

– Ну, рассказывай, как твои дела? – начала Элина, накладывая себе салат. – Нашла уже новых друзей в доме? Может, какой-нибудь интересный сосед? – Она подмигнула, но в ее глазах читался лишь зондаж.

Виктория почувствовала, как по спине пробежали мурашки. Словно Элина уже знала про Арсения.

– Нет, пока ни с кем не познакомилась, – солгала она, отломив крошечный кусочек хлеба.

– И правильно, – вступил Олег, откладывая телефон. – Сейчас столько сомнительных личностей. Лучше держаться

подальше. Кстати, о соседях... Твой переезд – это, конечно, хорошо, самостоятельность. Но я договорился, чтобы управляющий присматривал за твоей квартирой. На всякий случай.

Виктория замерла с куском хлеба в руке. Вот так всегда. С одной стороны – подарок, свобода. С другой – невидимая узда, контроль.

– Пап, мне не нужна нянька, – сказала она, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

– Это не нянька, Вика, это забота! – мягко, но настойчиво парировал отец. – Ты одна. Мама твоя, конечно, замечательная женщина, но она слишком мягкая. А мир жесток.

«Как раз от твоего мира я и сбежала», – пронеслось у нее в голове.

– Олег, не дави на девочку, – вступила Элина сладким голосом. – Вика взрослая, умная. Она сама разберется. Хотя... – она сделала задумчивое лицо, – твой отец прав. В наше время лучше перебдеть. Например, я слышала, что в вашем доме поселился тот самый Черкасов.

Виктория чуть не поперхнулась водой. Она посмотрела на мачеху. Та невинно подняла брови.

– Арсений Черкасов? – переспросил Олег, нахмурившись. – Сын тех... которые в той аварии?

Сердце Виктории упало куда-то в ботинки. Она сидела, не в силах пошевелиться, стараясь дышать ровно.

– Именно он, – кивнула Элина, наслаждаясь эффектом.

– Говорят, парень с тяжелым характером. После гибели родителей совсем замкнулся. Увлекался какими-то опасными гонками, пока и сам не попал в серьезную аварию. Кажется, в тот же день, когда и наша Вика, вот совпадение-то, да? – Она посмотрела на падчерицу с притворным сочувствием. – Ты только будь с ним осторожна, дорогая. Травмированные люди бывают непредсказуемы.

Информация обрушилась на Викторию лавиной. Гонки. Авария. В один день. Гибель родителей. Каждый кусок пазла с оглушительным щелчком вставал на свое место, складываясь в картину, от которой перехватывало дух. Это был он. Тот самый парень с трассы. Тот самый голос в темноте.

Она чувствовала, как бледнеет. Руки похолодели.

– Я... я его почти не видела, – выдавила она. – Мы не знакомы.

– И лучше не знакомься, – строго сказал Олег. – У него репутация не из лучших. Держись от него подальше, поняла? Я не хочу, чтобы ты снова связалась с чем-то опасным.

«Снова». Это слово прозвучало как приговор. Оно разом перечеркивало все ее попытки измениться, начать новую жизнь. В его глазах она навсегда осталась той безрассудной девчонкой, которая чуть не угробила себя на гонках.

Обед продолжался еще час, но Виктория не помнила ни одного слова. Она сидела, как автомат, подносила вилку ко рту, кивала. Ее ум лихорадочно работал, соединяя факты. Его боль, его закрытость, его страх... Теперь все обретало

смысл. Ужасный, травмирующий смысл.

Наконец, она смогла вырваться, сославшись на усталость после переезда. Элина проводила ее до лифта с очередной порцией сладких напутствий. Олег снова неуверенно обнял ее.

– Позвони, если что, дочка. В любое время.

Она лишь кивнула, не в силах говорить.

Дорога домой прошла в тумане. Она не взяла такси, шла пешком, пытаясь прийти в себя. Ветер трепал ее волосы, но не мог развеять тяжесть в душе. Он. Арсений Черкасов. Тот, кто был с ней в ту самую ночь. Они были по разные стороны трагедии, но объединенные одним страхом, одной болью.

И теперь он жил этажом выше. И ее отец и мачеха знали о нем. И предупредили держаться подальше. Это предупреждение, вместо того чтобы отпугнуть, наоборот, притягивало. Его боль была ей понятна. Она была отражением ее собственной.

Она зашла в свой подъезд и медленно поднялась по лестнице. Подойдя к своей двери, она на мгновение задержала взгляд на двери этажом выше. За ней был он. Человек, чья жизнь была переплетена с ее жизнью самым жестоким и необъяснимым образом.

Войдя в квартиру, она прислонилась к закрытой двери, совсем как он вчера. Тишина. Она смотрела на его куртку. Теперь это был уже не просто предмет одежды. Это был артефакт. Символ их общей тайны.

Цыган подохал и терся о ее ноги. Она взяла его на руки, прижалась к теплой шерстке.

– Цыган – прошептала она. – Что мне делать?

Она боялась. Боялась этой связи, этой болезненной общности. Но еще больше она боялась остаться одной со своей болью, как все эти годы. А он... он понимал. Он знал. Даже не зная ее.

Она не знала, подойти ли к нему и все выяснить, или сделать вид, что ничего не произошло, и выполнить наказ отца – держаться подальше. Но она понимала одно – игнорировать его существование теперь было невозможно. Две одинокие катастрофы, две параллельные вселены боли, наконец-то столкнулись. И последствия этого столкновения были уже не остановить.

Глава 4 Гром среди ясного неба

Прошло три дня. Три дня, которые Виктория провела в странном подвешенном состоянии. Куртка Арсения так и висела в прихожей, превратившись в молчаливого упрека и постоянный источник тревожных мыслей. Она несколько раз подходила к двери, брала ее в руки, собиралась подняться наверх... и отступала. Что она скажет? «Здравствуйте, кажется, мы пять лет назад попали в аварию в один день, и мой отец считает вас опасным, не хотите ли поговорить?» Звучало как бред сумасшедшей.

Вместо этого она пыталась заглушить внутреннюю бурю танцами. Она танцевала до изнеможения, до тех пор пока

мышцы не горели огнем, а в голове не оставалось места ни для каких мыслей. Но даже в самом яростном танце она ловила себя на том, что прислушивается к шагам наверху. К грохоту опускаемой гантели. К звуку открывающейся входной двери. Он был так близко. И так недостижимо далеко.

На четвертый день ее выручил Цыган. А точнее, его дьявольское любопытство. Пока Виктория разбирала в спальне коробку с книгами, рыжий проказник каким-то образом сумел приоткрыть форточку в кухне и, соблазненный пролетавшей бабочкой, выпрыгнул на карниз. Увидев это, у Виктории сердце упало в пятки. Они жили на третьем этаже, внизу – асфальт.

– Цыган! Иди сюда, немедленно! – ее голос дрожал от страха.

Кот, разумеется, проигнорировал ее. Он уселся по-турецки на узком бетонном выступе и начал вылизывать лапу, с абсолютным безразличием взирая на открывающуюся панораму двора.

Паника, холодная и липкая, сдавила Виктории горло. Лесть и уговоры не помогали. Пытаться вылезти за ним самой – безумие. Оставался один вариант. Быстрый и нежеланный.

Она выскочила из квартиры и, не дав себе времени передумать, поднялась на один пролет. Перед его дверью она замерла на секунду, собираясь с духом, и резко нажала на кнопку звонка.

Где-то внутри прозвучали шаги. Сердце бешено колотилось. Дверь открылась.

Арсений стоял на пороге. На нем были спортивные штаны и простая серая футболка, обтягивающая мощный торс. В руке он держал полотенце, видимо, застигнутый во время тренировки. Его карие глаза, увидев ее, сузились от удивления, а затем в них мелькнула знакомая настороженность.

– Виктория? – произнес он. Его голос был низким, без особой приветливости.

– Простите, что отвлекаю... – она заговорила, запыхавшись. – Мой кот... Цыган... он вылез на карниз за кухонной форточкой. Я боюсь, что он упадет. Не могли бы вы... помочь?

Она смотрела на него умоляюще, видя, как в его взгляде происходит внутренняя борьба. Он явно не хотел ввязываться. Но, бросив взгляд на ее бледное, испуганное лицо, он тяжело вздохнул.

– Покажите, – коротко бросил он, отступая, чтобы надеть кроссовки.

Через минуту он был в ее квартире. Виктория провела его на кухню. Цыган, почуяв незнакомца, насторожился, но с места не тронулся.

– Вот... – показала Виктория на распахнутую форточку.

Арсений молча оценил обстановку. Карниз был узким, но для его комплекции проход казался возможным. Он подошел к окну.

– Эй, рыжик, – его голос прозвучал неожиданно мягко. – Иди сюда.

Кот в ответ лишь настороженно мотнул головой. Арсений перевел взгляд на Викторию.

– Держите дверь на балкон открытой. Если он испугается и прыгнет внутрь, не дайте ему убежать обратно на улицу.

Она кивнула, не в силах вымолвить ни слова. Он ловко, с непринужденной силой, подтянулся на подоконнике и в мгновение оказался на карнизе. Его движения были точными и выверенными, без тени страха. Виктория, затаив дыхание, наблюдала, как его широкая спина заслонила собой окно. Он медленно, чтобы не спугнуть, двинулся к коту.

– Ну что, полетать захотел? – тихо и спокойно говорил он Цыгану. – Здесь высоко, нечего тут делать.

Он был всего в полуметре от животного. Цыган прижал уши, но не двигался. Вдруг, снизу, во дворе, громко затрещал мопед. Резкий звук испугал кота. Он метнулся, его лапы поскользнулись на бетоне, и он, отчаянно зацепившись когтями, повис на самом краю карниза.

Виктория вскрикнула. Но Арсений действовал молниеносно. Одним плавным, но быстрым движением он наклонился, подхватил кота за шкурку и прижал к себе.

– Все, полеты окончены, – строго сказал он, глядя на перепуганное животное.

Он так же ловко вернулся обратно в кухню, протягивая Виктории ее «боевого» питомца. Та с облегчением прижала

Цыгана к груди. Кот, дрожа, уткнулся мордочкой в ее плечо.

– Спасибо вам... огромное, – выдохнула Виктория, чувствуя, как дрожат ее колени. – Я не знаю, что бы я без вас сделала.

Арсений стоял, слегка отстранившись, его лицо снова стало непроницаемым.

– Закройте форточку. И поставьте сетку, – сухо посоветовал он. Его взгляд скользнул по квартире, задержавшись на рояле и на коробках, потом вернулся к ней. – Все в порядке?

– Да... да, конечно, – кивнула она, все еще не отпуская кота. – Я... ваша куртка. Она уже сухая. Я сейчас.

Она положила Цыгана на диван и пошла в прихожую. Сердце стучало где-то в горле. Она сняла куртку с вешалки и протянула ему.

– Спасибо еще раз. И... за ту ночь.

Он взял куртку, их пальцы на мгновение соприкоснулись. Легкое, почти мимолетное прикосновение, но от него по ее руке пробежали мурашки.

– Не за что, – он повернулся, чтобы уйти, но она, набравшись смелости, остановила его.

– Арсений... – произнесла она его имя впервые. Оно показалось ей странно знакомым на ее языке. Он обернулся, вопросительно подняв бровь. – Я... могу я вас хоть чем-то отблагодарить? Пригласить на чай? Кофе?

Он смотрел на нее, и в его глазах снова мелькала та самая борьба. Недоверие, самолюбие, желание отгородиться –

и что-то еще. Что-то, что тянуло его наружу из скорлупы.

– Мне не нужна благодарность, – наконец сказал он.

– Я понимаю. Но... мне нужно, – тихо, но настойчиво сказала Виктория. Она не отводила взгляда от его уставших глаз. – Пожалуйста.

Молчание затянулось. Он оценивал ее. Ее искренность, ее упрямство, ее все еще бледное от пережитого испуга лицо.

– Ладно, – неохотно выдохнул он. – Чай.

Она кивнула, и по ее лицу промелькнула слабая, но настоящая улыбка.

– Хорошо. Проходите.

Он вошел в гостиную, оглядевшись с деловым видом, и сел на краешек дивана, положив куртку рядом. Он казался слишком большим и чужим для ее пока еще не обжитого пространства. Цыган, оправившись от испуга, с любопытством уставился на него с подоконника.

Виктория засуетилась на кухне, заваривая чай. Руки у нее все еще дрожали. От страха за кота. От его близости. От осознания, что он сейчас здесь, в ее доме. Она поставила на поднос чашки, заварник, сахарницу и вернулась в гостиную.

Она села в кресло напротив него. Неловкое молчание повисло в воздухе, густое и тягучее.

– Вы... часто тренируетесь? – спросила она, чтобы разрушить тишину.

– Да, – коротко ответил он. – Волейбол. И дома тоже.

– Я видела, – сказала она, и тут же покраснела, поняв, как

это прозвучало.

Он посмотрел на нее с легким удивлением, но ничего не сказал.

– А вы? – спросил он наконец, делая глоток чая. – Танцы... это ваша работа?

– Нет, – покачала головой Виктория. – Это... мое спасение. Раньше был баскетбол. А потом... гонки.

Она сознательно бросила эту фразу, как пробный камень. И наблюдала. Он не дернулся, не изменился в лице. Но его пальцы чуть сильнее сжали ручку чашки. Его взгляд стал острее, пристальнее.

– Гонки? – переспросил он нейтрально.

– Да, – тихо сказала она, не отводя глаз. – Было такое глупое увлечение в юности. Ночные гонки на старых машинах. Пока однажды все не закончилось аварией.

Она видела, как напряглись его скулы. Он отставил чашку.

– Когда? – его голос стал тише, но в нем появилась стальная твердость.

– Пять лет назад. Осенью. На старой загородной трассе, – выдохнула она, чувствуя, как собственное сердце готово выпрыгнуть из груди. – Было темно. Кто-то выехал на встречу. Я не справилась с управлением.

Она видела, как он медленно закрывает глаза, словно от вспышки боли. Он сидел так несколько секунд, его грудь тяжело вздымалась.

– Трасса у Заречья, – не вопрос, а утверждение прозвучало.

чало из его губ. Он открыл глаза и уставился на нее. В его взгляде была буря – недоверие, шок, гнев и что-то похожее на отчаяние. – Ты... это была ты?

Виктория кивнула, не в силах говорить. В горле стоял ком.

– Я слышал тебя, – прошептал он, и его голос сорвался. Он смотрел на нее, но видел, кажется, не ее, а ту ночь. – Я слышал, как ты кричала. Мы стояли с Гришей... мой друг... мы стояли и слышали. Я хотел бежать... но не смог. Я был в шоке. От своей аварии. От всего.

Он говорил обрывисто, с трудом подбирая слова. Стена, которую он так тщательно выстраивал, дала трещину.

– А я... я слышала, как ты кричал своему другу, – тихо сказала Виктория. Ее глаза наполнились слезами. – «Гриша, держись!». Твой голос. Я его запомнила. Он был таким... испуганным.

Они смотрели друг на друга через внезапно возникшую бездну общего прошлого. Пять лет они несли в себе этот груз по отдельности. А теперь оказалось, что все это время они были связаны невидимой нитью страдания.

– Твои родители... – начала она, но тут же замолчала, увидев, как его лицо исказилось гримасой боли.

– Они погибли. За год до этого. В ДТП, – резко сказал он. – Я сел за руль, потому что хотел... не знаю, почувствовать себя ближе к ним? Или доказать, что я не такой слабый, как мне казалось? А в итоге чуть не угробил себя и Гришу. И, возможно, косвенно, тебя.

– Нет, – резко сказала Виктория. – Это был несчастный случай. Тот, кто выехал на встречу... это не ты.

– Но я был там! – его голос прозвучал с надрывом. Он встал и прошелся по комнате, сжимая и разжимая кулаки. – Я был там, и я ничего не мог сделать! Ни для тебя, ни для себя!

Он остановился перед ней. Его могучее тело было напряжено, как струна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.